

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В. Я. Белокреницкий¹

В статье выделены главные, по мнению автора, периоды в развитии отношений между российским государством (до 1991 г. — СССР) и Пакистаном (с 1956 г. — Исламской Республикой Пакистан). Намечены несколько этапов, на которые распадается более чем 75-летняя история двусторонних связей, начиная с низкого старта в первые годы после образования Пакистана и заканчивая неопределенностью последних лет. Автор выделяет ряд базовых причин прохладного отношения Москвы к созданию доминиона Пакистан в августе 1947 г. и достаточно детально характеризует два этапа улучшения взаимных связей в политической и экономической областях в 1960–70-х и в 2000–10-х гг. Особое внимание уделено влиянию пакистано-афганских отношений и проблеме Пуштунистана, а также содействию СССР в экономическом развитии Пакистана.

Ключевые слова: Россия, Пакистан, Индия, Афганистан, полет У-2, Пакистанский металлургический завод, газопровод

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Основные вехи и этапы развития российско-пакистанских отношений. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 175–186. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186

MAIN MILESTONES AND STAGES IN DEVELOPMENT OF RUSSIA-PAKISTAN RELATIONS

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

The article highlights the main, in the author's opinion, periods in the development of relations between the Russian state (until 1991 — the USSR) and Pakistan (since 1956 — the Islamic Republic of Pakistan). Several stages have been outlined into which the more than 75-year history of bilateral relations breaks down, beginning with a low start in the first years after the formation of Pakistan and ending with the uncertainty of recent years. The author identifies a number of basic reasons for Moscow's lukewarm attitude towards the creation of the dominion of Pakistan in August 1947 and characterizes in details the two stages of improved mutual relations in the political and economic fields in the 1960s–70s and in the 2000–10s. Particular attention is paid to the influence of Pakistani–Afghan relations and the problem of Pashtunistan, as well as the assistance of the USSR in the economic development of Pakistan.

Keywords: Russia, Pakistan, India, Afghanistan, flight of U-2, Pakistan Steel Mills, gas pipeline

For citation: Belokrenitsky V. Y. Main milestones and stages in the development of Russia-Pakistan relations. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 175–186. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186

¹ Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН; enitsky@yandex.ru.

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Doctor of Sciences (History), Professor, Chairman, Centre for the Study of Near and Middle East Countries, Institute of Oriental Studies, RAS; enitsky@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-8471-928X

С момента появления на политической карте мира государственного образования под названием Пакистан прошло уже почти восемь десятилетий. То же самое можно сказать и о независимой Индии, поскольку оба государства возникли, по сути, одновременно с разницей в один день в результате вынужденной самоликвидации Британской Индии и передачи власти английскими колонизаторами местным национальным элитам. Менее чем через год, 1 мая 1948 г., между Советским Союзом и Пакистаном были установлены дипломатические отношения и началась, таким образом, эпоха двусторонних связей.

В задачи статьи входит рассмотрение основных причин трудного на первых порах установления контактов между Москвой и Карачи (первой столицей Пакистана), характеристика первой фазы более тесных и плодотворных взаимосвязей в различных областях в 1960–1977 гг., второго этапа оживления взаимосвязей в 2001–2021 гг. и оценка перспектив взаимодействия в экономической и политической областях в свете формирующейся новой геополитической ситуации в регионе и мире в целом.

Низкий старт

Подчеркивая решающую роль, которую сыграл Каид-и-Азам (Великий вождь) М. А. Джинна в становлении Пакистана, А. Джалал среди прочего подчеркивает разницу между отношением Джинны и возглавляемой им Всеиндийской мусульманской лиги и Индийского национального конгресса к британской власти. В то время как Джинна вплоть до начала 1947 г. придерживался мнения, что уходящие британские правители могут остаться в Индии на некоторое время, чтобы гарантировать равенство между мусульманской Индией (Пакистаном) и индуистской Индией (Хиндустаном), его оппоненты из Конгресса были полны решимости увидеть скорейший конец британского присутствия на субконтиненте [Jalal, 2014, p. 174].

Для Советского Союза, победившего во Второй мировой войне, степень независимости Индии имела немаловажное значение. И. В. Сталин стремился ослабить позиции Великобритании, и затягивание ее ухода из колоний расходилось с его интересами. А потому точка зрения Джинны, которая могла быть замечена в Кремле, очевидно, не приветствовалась.

Кроме того, раздел Индии до последнего момента казался крайне маловероятным для внешнего мира, в то время как для Москвы он представлялся спланированным уходящими колонизаторами для сохранения своих интересов и влияния в Индии. Тезис о политике «разделяй и властвуй» неоднократно повторялся, когда речь заходила в послевоенное время о разделе колониальной Индии. Вот что отмечала в связи с этим уже несколько позднее Л. Р. Гордон-Полонская в написанной совместно с Ю. В. Ганковским книге «История Пакистана»: «В созданных английскими империалистами условиях противопоставления различных религий и каст, расчленения целых народов... в условиях разгула религиозного фанатизма родилось на свет государство мусульман Индии — Пакистан» [Ганковский, Гордон-Полонская, 1961, с. 108].

В то же время позиция Москвы в отношении независимой Индии в 1940-х гг. тоже не была однозначной. Известно, что Сталин изначально предвзято относился к Дж. Неру и всему руководству ИНК, считая их недостаточно самостоятельными, следующими в фарватере политики британских стратегов². Характерно, что прибывшая в Москву в августе 1947 г. в качестве первого

² Вот что написано в поздней советской литературе, посвященной становлению советско-индийских связей: «После завоевания Индией независимости и образования правительства, возглавляемого Национальным конгрессом, в Советском Союзе не сразу сумели оценить антиимпериалистические возможности вставшей у власти национальной буржуазии. В первые годы в теории и политической практике сохранялся старый подход к оценке буржуазии, сформулированный И. В. Сталиным и заключавшийся в том, что соглашательская национальная буржуазия и ее партии вступили в стовор с империалистами» [СССР и Индия, 1987, с. 135]; см. также: [Кашин, 2022, с. 164–165].

посла Индии сестра Неру В. Л. Пандит не была принята Сталиным и через восемь месяцев уехала из СССР, получив назначение послом в США [Кашин, 2022, с. 153–157]. Официальная пропаганда и научная литература в СССР в первый послевоенный период весьма критически относились к предоставлению независимости Индии, зачастую особо подчеркивая буржуазный характер новых властей и их лишь фиктивное освобождение из-под гнета Англии. Постепенно, однако, такое отношение менялось. И оно существенно изменилось уже ко времени установления дипотношений с Пакистаном в мае 1948 г. и обмена послами в конце 1949 и начале 1950 г. Большую роль в колебаниях Москвы по поводу Индии играла позиция Компартии Индии, которая проводила в начальные после войны годы активную политику, направленную против правительства молодой индийской республики, поддерживала, в частности, оппозиционные вооруженные выступления на юге Индии, в Теленгане [Чершнева, 2015, с. 214–215].

Стоит напомнить, что реакция Москвы на тему возможного раздела Индии была в годы войны неопределенной, тоже вследствие особой позиции коммунистов. Известно, что несколько видных руководителей Компартии Индии поддерживали разделение Индии по национальному принципу, исходя из права наций на самоопределение, а поскольку М. Джинна и Мусульманская лига выступали с лозунгом о мусульманах Индии как об особой нации, то кажется объяснимым, что в сентябре 1942 г. ЦК КПИ принял резолюцию в поддержку идеи автономных государств на базе единой территории, общей исторической традиции, общего языка, культуры, психологического склада в рамках свободного Индийского союза с правом выйти из его состава [Malik, 1994, p. 12]. Такую точку зрения отстаивали в первую очередь некоторые мусульманские интеллектуалы в КПИ во главе с будущим лидером Коммунистической партии Пакистана Саджад Захиром³. Такая позиция коммунистов нашла отражение на страницах первой изданной в СССР книги с названием «Пакистан» в заглавии — «К вопросу о Пакистане». Она была написана представителем первого послереволюционного поколения индологов В. В. Балабушевичем и вышла из печати в 1943 г. в Ташкенте, где в годы Великой Отечественной войны проживали многие советские ученые [Балабушевич, 1943].

Несмотря на отмеченные выше колебания, отношение к Индии в Москве было всё же более предпочтительным, чем к Пакистану как явному продукту английских интриг и вероятному стратегическому союзнику Англии и США. После подавления восстания в Теленгане и персональных изменений в руководстве КПИ у советского руководства не оставалось надежды на приход к власти в Индии коммунистов, а потому был взят курс на развитие связей с правительством ИНК. Сменившему В. Л. Пандит в качестве посла Индии в Москве д-ру С. Радхакришнану (будущему президенту Индии) довелось дважды быть принятым Сталиным, а третий индийский посол К. П. Ш. Менон имел беседу с верховным советским руководителем в феврале 1953 г. незадолго до его смерти [СССР и Индия, с. 140–141].

На более предпочтительное отношение Москвы к Индии, чем к Пакистану, повлиял, очевидно, помимо отмеченных факторов, и вопрос о «Пуштунистане». Когда во время войны Кабулу стало известно о планах Великобритании уйти из своей колонии, предоставив ей независимость, афганские власти выдвинули претензии на афганские, т. е. населенные пуштунами (афганцами) земли, причем не только на территорию пограничных «независимых» племен, но и всю

³ Х. Малик цитирует слова С. Захира из введения к изданной в Бомбее на английском языке в 1944 г. работы «Необходимость единства Конгресса и Лиги»: «Конгрессисты не видят антиимпериалистической, освободительной роли Мусульманской лиги, не видят того, что требование мусульманского самоопределения под лозунгом Пакистана — это справедливое, прогрессивное и национальное требование и что оно является позитивным выражением той свободы и демократии, за которые члены Конгресса боролись и страдали в течение всех этих лет», и далее отмечает, что благодаря такой позиции коммунисты обрели популярность у лидеров Мусульманской лиги и в 1945–1947 гг. участвовали во многих публичных мероприятиях Лиги [Malik, 1994, p. 12].

Северо-Западную пограничную провинцию Индии и северные княжества Сват, Дир и даже Кашмир. Москва, по-видимому, с некоторым сочувствием отнеслась к этим претензиям. По сведениям, приводимым в книге Ю. Тихонова, ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Афганистана рассказал о них в ноябре 1942 г. советскому послу в Кабуле. Тот назвал их в отправленной в Москву секретной телеграмме «прогрессивными», предложив, впрочем, не спешить с их поддержкой вплоть до окончания войны [Тихонов, 2008, с. 405–406].

С появлением Пакистана на месте Британской Индии сепаратистские традиции остались сильными среди пуштунов, особенно в поясе горных племен, таких как вазирь, масуды, афридии и др. Афганский фактор способствовал тому, что даже начальный этап пакистано-российских отношений был нелегким, поскольку первый кандидат на пост советского посла (И. Н. Бакулин) был отвергнут Пакистаном из-за его работы до этого в качестве советского посла в Афганистане [Malik, 1994, p. 42]⁴. Первый посол (А. Г. Стеценко) прибыл в Карачи лишь в марте 1950 г., почти через два года после установления дипломатических отношений и через полтора после рождения Пакистана.

Хорошо известно, что Афганистан был единственной страной, которая в сентябре 1947 г. выступила против членства Пакистана в ООН. Тем самым Кабул выразил протест против включения Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии в состав Пакистана, поскольку это было сделано без предоставления избирателям (коллегии выборщиков) провинции возможности проголосовать за «независимый Пуштунистан». Последний вице-король Великобритании лорд Л. Маунтбэттен отклонил требование тогдашнего правительства СЗПП во главе с доктором Ханом Сахибом включить этот вариант в анкету на референдуме. Союзные с ИНК пуштунские лидеры, возглавляющие организацию «Худай Хитмаргаран» («Божьи слуги») во главе с А. Гаффар Ханом (братом Хана Сахиба), призвали к бойкоту референдума, но не получили необходимой поддержки⁵. Это не помешало афганскому правительству использовать лозунг Пуштунистана в течение нескольких десятилетий. Особенно ярко в этом отношении проявилась политика кабульской администрации в 1953–63 гг., когда ее возглавлял принц Мухаммад Дауд Хан [Пойя, 2022, с. 272–393]. Невысокий уровень отношений между СССР и Пакистаном в первые годы после образования последнего объяснялся рядом глубинных факторов и непосредственных причин. Помимо уже обозначенных, следует назвать идеологические различия двух государств (атеизм в одной стране и вера в Аллаха в другой), а также традиционные расхождения в установках военных, связанные с британским и российским геостратегическим наследием.

Пакистан, зажатый между Индией и Афганистаном, предпочел опереться на союз с Западом, прежде всего с США. Характерно, что одним из главных инициаторов этого выбора явились быстро и эффективно становившиеся на ноги пакистанские вооруженные силы. Делегация пакистанских военных была одной из первых официальных делегаций, посетивших в 1949 г. США [Shah, 2014, p. 87]. Таким образом, это произошло еще до первого визита в Соединенные Штаты премьер-министра Пакистана Лиаката Али Хана. Между тем хорошо известен факт, что Москва

⁴ Вот что пишет об этом эпизоде известный отечественный афганист, сам занимавший в начале 2000-х гг. пост Чрезвычайного и Полномочного Посла в Кабуле М. А. Конаровский: «С 1947 года после завершения службы в Кабуле он (Иван Николаевич Бакулин — В.Б.) возглавил ближне- и средневосточное направления в МИД. После установления дипломатических отношений с Пакистаном в 1948 году пробыл в этой стране в течение трех месяцев (в конце 1949 — начале 1950 года). Не успев вручить верительные грамоты и формально вступить в должность посла, был отозван» [Конаровский, 2020, с. 102–103].

⁵ Результаты референдума приведены, например, в книге А. Джалал. Хотя сторонники Пакистана получили лишь незначительное большинство голосов (50,49%) коллегии выборщиков, учрежденной Законом об управлении Индией 1935 г., не следует делать вывод, что все остальные члены коллегии были против варианта присоединения СЗПП к Пакистану. Значительная ее часть могла не принять участия в голосовании. Если брать за ориентир реальное число участвовавших в провинциальных выборах 1946 г., то пакистанский вариант получил 77% голосов (289 244 голоса из 375 989) [Jalal, 1994, p. 293].

была первой, кто пригласил пакистанского премьера нанести официальный визит. Сделано это было в мае-июне 1949 г. опосредованно через пакистанского посла в Иране Газанфар Али Хана [Malik, 1994, p. 42–44; Khan, 1994].

В силу до конца не выясненных причин визит Лиаката в Москву не состоялся, и в мае 1950 г. он отправился в США, где провел больше месяца. Хотя конкретные причины отмены визита в СССР неясны и обе стороны могут винить друг друга, представляется, что даже если бы он имел место, изменить формирующуюся геополитическую картину он, по нашему мнению, не смог бы.

Надо учитывать, что Москва была удовлетворена тем, что поездка индийского премьера в США, состоявшаяся в конце 1949 г., не принесла ожидаемых результатов. Дж. Неру отказался занять сторону Вашингтона в начавшейся холодной войне и открыто заявил о курсе на неприсоединение к военным блокам.

Главной заботой Пакистана с самого начала была безопасность перед лицом предполагаемой угрозы со стороны Индии. По ряду причин СССР вряд ли мог помочь Пакистану в противостоянии с Индией. Куда более серьезной опорой для него могли стать США, которые, однако, испытывали на первых порах склонность к Индии. Именно с этим и была связана задержка в установлении тесных связей в политической и военной области между Вашингтоном и Карачи.

Визит Лиакат Али Хана в США способствовал двусторонним контактам. За ним последовали новые визиты в Америку пакистанских военных, в том числе первого пакистанца, занявшего в январе 1951 г. пост главнокомандующего армией генерала М. Айюб Хана, будущего военного правителя страны. Подлинный прорыв в американо-пакистанских отношениях наметился после прихода к власти в США в начале 1953 г. Республиканской администрации во главе с президентом Д. Эйзенхауэром и началом проведения ею политики по сколачиванию военно-политических блоков по периметру южных границ СССР.

Хотя советское руководство, казалось, не обращало большого внимания на оскорбление, нанесенное ей отказом пакистанского премьера посетить страну, формирование двусторонних связей началось с низкой точки, если не считать короткого всплеска контактов весной-осенью 1949 года. В 1953–1955 гг. они еще больше скатились вниз в связи с присоединением Пакистана к СЕАТО и Багдадскому пакту и заключением в мае 1954 г. двустороннего соглашения с США о взаимной обороне [Компанцев, 1970, с. 63–66; Malik, 1994, p. 102–103].

Обреченность советско-пакистанских взаимосвязей на прозябание ввиду сложившегося геополитического расклада ярко проявилась в конце 1955 г., когда тогдашние лидеры Советского Союза Н. С. Хрущев, Первый секретарь ЦК КПСС, и Н. А. Булганин, Председатель Совета министров СССР, нанесли государственные визиты в Индию, Афганистан и Бирму. В Индии они полностью поддержали позицию Нью-Дели по Кашмиру, а в Кабуле — афганскую политику в отношении Пуштунистана (см. напр.: [Пойя, 2022, с. 183–194].

Пакистан попытался смягчить откровенно критическое отношение СССР и пригласил Москву принять участие в церемонии, связанной с принятием его Конституции. Визит первого заместителя Председателя Совета министров СССР А. И. Микояна в Пакистан в марте 1956 г. явился признаком начавшегося улучшения двусторонних отношений. Как отмечал И. М. Компанцев, вплоть до военного переворота 1958 г. был заметен прогресс в области советско-пакистанских связей, особенно в период нахождения у власти правительства во главе с бенгальским политиком Х. Ш. Сухраварди. На это время, кстати, пришелся Суэцкий кризис и антиправительственные выступления в Венгрии [Компанцев, 1970, с. 98–104; Malik, 1994, p. 131–133].

Первый военный переворот осенью 1958 г. отрицательно сказался на отношениях между Пакистаном и СССР. В начале 1959 г. военное правительство М. Айюб Хана пошло на заключение

нового соглашения с США о сотрудничестве, в том числе в сфере безопасности. Москве было, очевидно, известно о предоставлении Пакистаном особых привилегий США в использовании его воздушного пространства и аэродромов. Неоспоримые доказательства этого принес произошедший 1 мая 1960 г. инцидент с американским самолетом-разведчиком «Локхид У-2», сбитым над Уралом советской ракетой.

Подъем в 1960–70-е годы

Растущее сотрудничество между СССР и Пакистаном, особенно в экономической сфере, началось почти сразу после фиаско, которое потерпел У-2. Советское руководство отреагировало резко, обвинив Пакистан, наряду с Турцией и Норвегией, в содействии американскому вторжению в советское воздушное пространство с целью шпионажа. Советский лидер Н. С. Хрущев незамедлительно вызвал 7 мая 1960 г. посла Пакистана в Москве С. Али и, как утверждается, обвел Пешавар на карте кружком как цель советского возмездия [Икбал, 2004, с. 91; Malik, 1994, р. 171].

Подробно останавливаясь на этом вопросе, Х. Малик подчеркивал значение этого события для пакистано-советских отношений и общей международной атмосферы. Как и большинство людей, живших в то время, а также ученых и наблюдателей, он был убежден, что неудача с У-2 сыграла решающую роль в советской политике в отношении Запада, сорвав встречу на высшем уровне с лидерами США, Великобритании и Франции, запланированную на 16 мая 1960 г. в Париже. Однако советские архивы, изученные директором Архива внешней политики в Москве П. П. Скороспеловым, свидетельствуют о том, что инцидент дал Н. С. Хрущеву повод избежать поездки в Париж, так как для Москвы к тому времени было ясно, что саммит будет бесполезен для разрешения обстановки в Европе, которая привела в следующем году к Берлинскому кризису [Скороспелов, 2022, с. 26].

Это может частично объяснить, почему гнев по поводу участия Пакистана в американской шпионской программе представляется несколько театральным, а обида на Пакистан неглубокой. Примечательно, что, хотя до конца мая Москва выражала недовольство разъяснениями правительства Пакистана о своей роли в полетах над СССР, уже в июне две страны приступили к переговорам по вопросу о советской помощи в разведке нефтяных и газовых месторождений в Пакистане. Новый пакистанский посол А. Хилали 2 августа 1960 г. сообщил первому заместителю Председателя Совета министров СССР А. И. Микояну о том, что правительство Пакистана согласилось с советским предложением о начале сотрудничества в области геологоразведки [Компанцев, 1970, с. 135].

Более того, после визита группы ведущих советских геологов пакистанская делегация высокого уровня во главе с тогдашним министром топлива, энергетики и природных ресурсов З. А. Бхутто отправилась в СССР и провела там почти месяц — с середины декабря 1960 г. до начала января 1961 г. Визит в Советский Союз произвел на З. А. Бхутто особое впечатление, поскольку пакистанской делегации была предоставлена редкая возможность побывать в советских республиках Средней Азии [Bhutto, s. a., p. 129–132].

Менее чем через год после того, как отношения, казалось, упали до низшей точки, в марте 1961 г. в Карачи было подписано соглашение о советской экономической и технической помощи в разведке нефти и газа. Советский кредит в 27 млн руб. был получен сроком на 12 лет под 2,5% годовых и подлежал уплате пакистанскими экспортными товарами [Компанцев, 1970, с. 136].

Одновременно с подписанием соглашения обсуждались возможности широкого экономического сотрудничества, включая, по-видимому, строительство сталелитейного завода по образцу проектов, реализованных СССР сначала в Индии, а затем и в других странах вдоль советской южной границы, в Иране и Турции.

Разведка нефти и природного газа, проводимая с советской помощью специально созданной государственной нефтегазовой корпорацией, увенчалась частичным успехом — было обнаружено несколько нефтяных месторождений на Потварском плато (север Панджаба), крупнейшие из которых — Тут и Саранг. Но надежда на то, что Пакистан расположен на платформе, аналогичной той, что существует на Аравийском полуострове и в районе Персидского залива, не оправдалась, и к концу 1960-х годов значение этой сферы сотрудничества уменьшилось.

К тому времени большее значение приобрела политическая подсистема двусторонних отношений. Советский Союз воспользовался ухудшением американо-пакистанских связей и сыграл крупную роль в истории Южной Азии, организовав встречу руководителей Индии и Пакистана, призванную подвести черту под вооруженным конфликтом между двумя соседними государствами в августе-сентябре 1965 г. Переговоры в Ташкенте, тогдашней столице Советского Узбекистана, прошедшие в начале января 1966 г., ознаменовались подписанием декларации, открывшей, как казалось, перспективу длительного мира в регионе. Хотя такие надежды не оправдались, вторая половина 1960-х гг. была временем расцвета советско-российских взаимосвязей. На этот период пришлось визиты в СССР президентов Пакистана фельдмаршала Аюба Хана и генерала Яхья Хана в 1967 и 1970 гг. и два визита в Пакистан премьер-министра СССР А. Н. Косыгина в 1968 и 1969 гг. В результате переговоров, состоявшихся при подготовке и в ходе визитов, СССР продал Пакистану на льготной основе 12 вертолетов МИ-8 и 170 бронетранспортеров. Очень долго это оставалось единственным примером российской военной помощи Пакистану [Икбал, 2004, с. 95].

Несмотря на хорошие отношения Москвы с военными правителями Пакистана, события 1971 г. привели к резкому их ухудшению. Обострение внутривосточной обстановки в составе из двух территорий государства после проведения в декабре 1970 г. первых всеобщих выборов привело в марте следующего года к подавлению силой развернувшегося в восточной части Пакистана движения за создание своего государства Бангладеш. Призывы советского руководства к военным правителям Пакистана найти политическое решение национальных проблем ни к чему не привели. Индия решительно поддержала движение за образование Бангладеш и в декабре 1971 г. нанесла поражение Пакистану, заставив капитулировать его армию в Восточном Пакистане и захватив в плен около 100 тыс. пакистанцев. В отличие от США и большинства стран Запада Москва поддержала Индию [Народная Республика Бангладеш, 1972, с. 19–21].

От нового лидера Пакистана З. А. Бхутто потребовались большие усилия, чтобы вернуть советско-пакистанские отношения в нормальное русло. Он совершил две поездки в Москву — в марте 1972 г. и ноябре 1974 г. — и среди прочих достижений доработал условия сооружения первого в Пакистане металлургического завода полного цикла. Проект комплекса мощностью в 1,1 млн т стали, чугуна и кокса в год стал символом советской помощи в промышленном развитии Пакистана. СССР предоставил на его сооружение кредиты в размере 470 млн советских рублей (около 1 млрд долл. США по тогдашнему курсу) [СССР и Пакистан, 1984, с. 174].

Доля Пакистана в общих расходах составила около 25%. Пакистан построил новый морской порт для импорта железной руды и коксующегося угля. Существенно, что советская сторона помогла в строительстве учебного центра при заводе. Около 2000 пакистанцев прошли подготовку в нем только за период с 1975 по 1979 г. В середине 1970-х годов на сооружении Карачинского металлургического завода работало более 500 советских инженеров, механиков и других квалифицированных специалистов [СССР и Пакистан, 1984, с. 176–177].

В то время как строительство началось при правительстве З. А. Бхутто, который заложил символический камень в его основание на церемонии в декабре 1973 г., комплекс был завершен в 1980-е гг. во времена генерала М. Зия-уль-Хака, который изменил название завода с Карачинского

на Пакистанский. Торжественное открытие предприятия состоялось в августе 1981 г., когда был завершен первый этап (76% работ) [Viewpoint, 1981, p. 10]. Окончательно завод вступил в строй действующих в 1985 г. и со следующего года начал работу на полную мощность.

Экономическое сотрудничество в 1970–80-х годах включало также советскую помощь в строительстве ТЭС Гудду (210 МВт), 11 радиовещательных станций, ряда линий электропередач и т. д. Но после военного переворота 1977 г. и особенно после ввода советских войск в Афганистан в самом конце 1979 г. импульс для расширения рамок сотрудничества был утрачен. Несмотря на всемерную помощь, оказанную афганским моджахедам военной администрацией М. Зияуль-Хака, определенный уровень двусторонних связей между Москвой и Исламабадом сохранялся, о чем свидетельствуют приведенные выше данные о продолжавшемся экономическом сотрудничестве. Поддержка Пакистаном сил, сражающихся с советскими воинскими частями и дружественным Советскому Союзу правительством в Кабуле, не афишировалась. К концу 1980-х годов доля СССР в импорте Пакистана составляла довольно внушительные 2,4%, между тем как в его экспорте равнялась всего 0,6% [Viewpoint, 09.11.1989, p. 23–24].

После распада СССР в конце 1991 г. и появления Российской Федерации в качестве его главного преемника двусторонние отношения оставались на весьма низком уровне. Объем торговли опустился в конце до менее чем 100 млн долл. В первой половине десятилетия он еще составлял порядка 300–400 млн поскольку осуществлялось ранее согласованное содействие Москвы пакистанской экономике. Так, госкорпорация «Технопромэкспорт» построила в 1993–95 гг. в Музаффаргархе ТЭС мощностью 660 Мвт. Военное сотрудничество отсутствовало, хотя определенные возможности для более тесного взаимодействия имелись на рубеже 1980–90-х годов, после вывода в 1989 г. ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) из Афганистана. На двусторонние связи в 1990-х годах оказывали воздействие два обстоятельства — восстановление к середине десятилетия тесного партнерства России с Индией и поддержка Пакистаном исламистских сил в Афганистане. Что касается экономических связей, то их невысокий уровень объяснялся к тому же глубоким и затяжным кризисом российской экономики и низкими темпами экономического роста Пакистана.

Неровный подъем в начале XXI в.

К началу второго цикла повышения в развитии двусторонних взаимосвязей контекст международных отношений существенно изменился. Претерпел перемены фактор исламского возрождения и исламистской радикализации. С 1970-х годов он усиливался, о чем говорили и исламская революция в Иране, и джихад в Афганистане, и политика исламизации в Пакистане, и усиление исламистских течений на Арабском Востоке. В начале 1990-х годов «исламская волна» распространилась на Северный Кавказ и в какой-то мере на Волго-Уральский регион России. Вкупе с этническим компонентом этот фактор поставил под угрозу ситуацию с безопасностью в России и в регионе к югу от ее границ. Но к концу 1990-х годов после нормализации отношений в Чечне, Дагестане, а также в Таджикистане и других республиках Центральной Азии вновь появились возможности для расширения российско-пакистанских контактов.

Этому в немалой степени способствовал разворот в позиции Исламабада по отношению к режиму талибов в Афганистане. От полной его поддержки правящий тогда в Пакистане военный режим перешел к полному отказу от сотрудничества с ним вследствие воздушной атаки «Аль-Каиды» на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г. и отказа талибов выдать главу «Аль-Каиды» У. бен Ладена.

Приглашение приехать в Россию, направленное тогдашнему президенту Пакистана генералу П. Мушаррафу, следует рассматривать в свете этих перемен. Его визит в феврале 2003 г. был успешным [Belokrenitsky, Moskalenko, 2013, p. 412–413]. Стороны подписали соглашение о сотрудничестве в области науки, культуры и образования и решили возродить функционирование Межправительственной комиссии по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству. Состоялись переговоры о закупке Пакистаном российских грузовых вертолетов. Также обсуждалось расширение Пакистанского металлургического завода (ПМЗ) в Карачи с целью достижения мощности в 1,5 млн т. стали и стальной продукции с дальнейшим расширением до 3 млн т [Россия и страны Востока, 2014, с. 161–162].

Однако результаты визита сказались не сразу. Поставки военно-грузовой техники состоялись, хотя и с определенной задержкой, а работа Межправительственной комиссии началась только семь лет спустя. Более того, договоренность о расширении Пакистанского металлургического завода сыграла определенную роль в падении режима П. Мушаррафа. Дело в том, что в 2006 г. правительство Пакистана объявило о решении приватизировать ПМЗ и провело тендер, выигранный консорциумом с российской металлургической компанией («Северсталью») в качестве основного акционера. Широкая общественность в Пакистане сочла цену покупки явно заниженной, и Верховный суд аннулировал результаты тендера. Этот инцидент, по-видимому, послужил одной из причин, по которой военные власти объявили в марте 2007 г. об отстранении главного судьи И. Чаудхри от должности. Решение Мушаррафа оказалось для военного режима роковым. Он вступил в полосу кризиса, который завершился через год с небольшим уходом генерала-президента в отставку. Сделка по приватизации ПМЗ была отменена. Завод остался в государственной собственности и, не давая прибыли, стал обузой для бюджета. Россия и позднее не отказывалась от намерения взять на себя его модернизацию и расширение до мощности в 1,5, а затем и 3 млн т. Такие предложения поступали уже со стороны государственных структур, в частности, в 2013 г. от компании «Технопромэкспорт». На эти цели компания была готова выделить 1 млрд долл.⁶ Однако до реализации этих планов дело не дошло. В 2015 г. деятельность предприятия была прекращена, а в 2022 г. вслед за последней неудачной попыткой приватизировать завод было принято решение о его ликвидации и создании на его месте промышленного парка и экспортной зоны.

Как следует из приведенных выше фактов, усилия по углублению российско-пакистанского сотрудничества продолжались и после того, как режим П. Мушаррафа уступил место гражданской администрации во главе с президентом А. А. Зардари (овдовевшим мужем Беназир Бхутто, которая дважды в истории страны становилась ее премьер-министром и была убита исламистами в конце декабря 2007 г.). Стоимость двустороннего товарооборота выросла со скудных 100–150 млн долл. в начале века до 400–500 млн в первой половине 2010-х годов. Президент А. А. Зардари дважды посещал Россию — в 2009 и 2010 гг. — и провел переговоры с тогдашним президентом России Д. А. Медведевым. Переговоры проходили как в двустороннем формате, так и в рамках многостороннего взаимодействия с участием президентов Афганистана и Таджикистана. Они были сосредоточены на урегулировании афганского кризиса и в то время рассматривались как весьма значимые.

В рамках этого четырехстороннего взаимодействия в октябре 2012 г. в Исламабаде должен был состояться четвертый саммит так называемой «душанбинской четверки». Ожидалось, что на нее приедет президент РФ В. В. Путин, но за неделю до события он прислал свои извинения. Отказ российского президента вызвал острое разочарование в Пакистане. Нужно иметь в виду, что правящие круги и широкая публика в этой стране придают большое значение персональным

⁶ Russia offers funds to revive Pakistan Steel Mills//The Express Tribune, August 1, 2013//<http://tribune.com.pk/story/585216/Russia-offers-funds-to-revive-pakistan> (дата обращения: 01.08.2013).

контактам и гипертрофированно реагируют на факт непосещения их страны первым лицом России. При этом Москва пыталась затушевать неприятный момент визитом в Пакистан министра иностранных дел С. В. Лаврова. Отказ В. В. Путина приехать в Исламабад вызвал оживленную дискуссию о причинах такого шага Кремля. В дебатах в России отмечались три вероятные причины. Во-первых, возможная реакция раздражения Индии на улучшение отношений России с ее региональным соперником Пакистаном. Во-вторых, американский фактор и, наконец, неподготовленность визита с точки зрения значимого участия российских компаний, прежде всего «Газпрома», в строительстве газопровода ИПИ — из Ирана в Пакистан, а затем в Индию и ТАПИ — из Туркменистана в Пакистан через Афганистан и далее в Индию [Россия и страны Востока, 2014, с. 166–168].

Индийский фактор в то время казался наиболее важным, поскольку российский президент, как известно, проявлял личный интерес к связям с Индией и, например, накануне визита Мушаррафа в 2003 г., как утверждается, позвонил тогдашнему премьер-министру Индии А. Б. Ваджпайи, чтобы сообщить ему, что визит не окажет негативного влияния на российско-индийские отношения. Опасения по поводу негативной реакции США представляются весьма сомнительными. Можно даже утверждать, что визит был бы воспринят Вашингтоном как играющий им на руку.

Оглядываясь назад, можно предположить, что решение, принятое В. В. Путиным, было одним из первых шагов в направлении утверждающей себя внешней политики Москвы. Она, видимо, приняла во внимание, что ничего не выиграет от подыгрывания Пакистану, который остро нуждался в улучшении своего имиджа независимого государства, запятнанного вторжением американских военных в воздушное пространство Пакистана с целью убийства У. бен Ладена в мае 2011 г. и беспомощностью Исламабада в расследовании дела сотрудника ЦРУ, который, спасаясь бегством от преследователей, убил днем на людной улице в Лахоре двух агентов пакистанских спецслужб в январе того же года и был освобожден из тюрьмы после уплаты выкупа⁷.

После второй неудачи в попытках существенно повысить уровень двусторонних связей наступила пауза до середины 2010-х годов, когда новое правительство ПМЛ-Н во главе с Н. Шарифом сконцентрировало внимание на экономических вопросах в своей внешней политике. Это привело, в частности, к успешному подписанию весной 2015 г. соглашения о КПЭК (Китайско-пакистанский экономический коридор). Одновременно с проведением переговоров с КНР Пакистану удалось заключить соглашение и с Москвой о выделении крупной российской помощи в 2–2,5 млрд долл. на строительство газопровода для прокачки сжиженного природного газа (СПГ) из Карачи в Лахор протяженностью 1,1 км [Каменев, 2019, с. 349]. Трубопровод, известный сначала как «Север–Юг», а затем переименованный в «Пакистанский поток», был призван стать новым символом двустороннего сотрудничества, но из-за различных препятствий его реализация до сих пор не началась.

В целом период с 2000-х по начало 2020-х годов, несомненно, можно рассматривать как фазу медленного, но поступательного улучшения пакистано-российских отношений. По сравнению с предыдущей продолжительной волной 1980–90-х годов на втором этапе позитивная тенденция наблюдалась практически во всех сферах, за исключением, пожалуй, культурных, научных и гуманитарных контактов. Увеличился объем товарооборота, укрепилось политическое сотрудничество, усилились связи между военными двух стран, имеющими одних и тех же противников — международный терроризм, контрабанду наркотиков, пиратство и подрывную деятельность. Помимо совместных военных учений, проходящих почти ежегодно с 2016 г., Москва согласилась поставить Исламабаду четыре вертолета Ми-35 с перспективами дальнейших закупок [Каменев, 2019, с. 356–358].

Помимо двусторонних политических связей развивалось и многостороннее региональное сотрудничество. Пакистан вместе с Индией получил сначала статус наблюдателя, а в 2015 г. стал

⁷ Pakistan frees Raymond Davis after 'bloody money' deal. Indian Express, Mar. 16, 2011//<https://www.indianexpress.com/story-print/763315/pakistan-frees-raymond-davis-after-bloody-money-deal> (дата обращения: 17.03.2011).

полноправным членом ШОС (Шанхайской организации сотрудничества). Ситуация в Афганистане оставалась в центре пристального внимания международного сообщества, и до смены режима в августе 2021 г. Россия и Пакистан были участниками переговоров и консультаций в различных форматах.

Заключение

Завершая краткий анализ истории российско-пакистанских отношений, следует повторить, что они следовали во многом predetermined курсом. Первый период в их развитии (1940–60-е годы) был в целом детерминирован глобальным соперничеством времен холодной войны, третий период (1980–90-е годы) — регионально-глобальной ситуацией подъема исламского радикализма и экстремизма. Ослабление противоречий, связанных с этими факторами, сделало возможным два промежуточных этапа — 1960–70-е и 2000–10-е годы. Надо надеяться, что в перспективе исламистский фактор будет по-прежнему в значительной степени неактуален, а соперничество времен холодной войны не наберет новые обороты. В этом случае есть основания полагать, что в 2020-х годах отношения между Россией и Пакистаном укрепятся и получают более широкое и разностороннее развитие.

Наиболее перспективными областями сотрудничества представляются уже не раз обсуждавшиеся проекты участия двух стран в повышении региональной взаимосвязанности. Речь идет о большом Евразийском регионе, включающем Россию на севере и Пакистан на юге и охватывающем Центральную Азию и Афганистан. Строительство путей сообщения, шоссе и железных дорог, способно радикально изменить географию грузовых потоков, соединив центр Евразии с Аравийским морем и через него — с мировым океаном. Весьма ценным может оказаться содействие России в модернизации и расширении сети пакистанских железных дорог. Нужно иметь в виду, что основная часть железнодорожных путей была построена еще в колониальное время и остро нуждается в техническом переоснащении. Пакистан был бы заинтересован в развертывании совместных с Россией геологоразведочных работ. Выгодной для Пакистана сферой приложения российского капитала была бы гидроэнергетика, причем не только большая, требующая огромных инвестиций, но и малая. Да и в целом энергетика, сооружение ТЭС, в которой накоплен немалый опыт сотрудничества, и реализация заключенных договоренностей о развитии трубопроводного транспорта является, безусловно, приоритетной сферой. В перспективе было бы желательным возобновление прямого воздушного сообщения между странами и использование возможностей, которые Пакистан имеет для туризма и альпинизма. Велик, наконец, потенциал углубления человеческих контактов через увеличение, в частности, числа обучающихся в России пакистанских студентов и аспирантов, прежде всего по техническим и медицинским специальностям. В свете происходящих ныне в мире серьезных геополитических сдвигов и перемен сотрудничество в вышеотмеченных направлениях (причем это далеко не полный их перечень) плюс к тому кооперация в военной и военно-технической областях способны вывести двусторонние отношения на качественно новый, более высокий уровень..

Литература / References

Балабушевич В. *К вопросу о Пакистане*. Ташкент, 1943 [Balabushevich V. *To the question of Pakistan*. Tashkent, 1943 (in Russian)].

Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р. *История Пакистана*. М., 1961 [Gankovsky Y. V., Gordon-Polonskaya L. R. *History of Pakistan*. Moscow, 1961 (in Russian)].

Кашин В. П. *Индия: независимость, раздел и диалог с Россией*. М., 2022 [Kashin V. P. *India: Independence, Partition and Dialogue with Russia*. Moscow, 2022 (in Russian)].

Компанцев И. М. *Пакистан и Советский Союз*. М., 1970 [Kompantsev I. M. *Pakistan and the Soviet Union*. Moscow, 1970 (in Russian)].

Конаровский М. А. *Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы*. М., 2020 [Konarovskiy M. A. *Afghanistan at the Turn of Centuries: A New Crossroads of Destiny*. Moscow, 2020 (in Russian)].

Икбал В. *Пакистано-российские отношения* // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. Памяти Ю. В. Ганковского. М., 2004 [Iqbal W. *Pakistani-Russian relations* // Pakistan, countries of South Asia and Middle East. To the memory of Y. V. Gankovsky. Moscow, 2004 (in Russian)].

Каменев С. Н. *История экономических процессов в Пакистане. XX–XXI вв.* М., 2019 [Kameney S. N. *History of Economic Processes in Pakistan. 20th-21st Centuries*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Народная Республика Бангладеш. Справочник / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1972 [People's Republic of Bangladesh. *A Reference Book* / Ed. Y. V. Gankovsky. Moscow, 1972 (in Russian)].

Поя С. *Афганистан при премьер-министре Мухаммад Дауд-Хане (1953–1963 гг.)*. М., 2022 [Poya S. *Afghanistan under Prime-Minister Mubammad Daud-Khan (1953–1963)*. Moscow, 2022 (in Russian)].

Россия и страны Востока в постбиполярный период / Под ред. Д. В. Стрельцова. М., 2014 [Russia and Countries of the East in the Post-Bipolar Period / Ed. D. V. Streltsov. Moscow, 2014 (in Russian)].

Скороспелов П. П. 'Особая форма проведения внешней политики путем угрозы войны империалистам'. Пример военно-политической деятельности Президиума ЦК при Н. С. Хрущеве, 1953–1964 гг. Часть 1 // Восток (Oriens). 2022. № 2 [Skorospelov P. P. 'A Special type of conducting the foreign policy by the threat war against imperialists'. A case of military-political activity of the Presidium of the Central Committee under N. S. Khrushchev, 1953–1964. Part I // Vostok (Oriens). 2022. No. 2.

СССР и Индия / Отв. ред. Г. Г. Котовский, А. Н. Хейфец, П. М. Шаститко. М., 1987 [USSR and India / Ed. G. G. Kotovskiy, A. N. Heifets, P. M. Shastitko. Moscow, 1987 (in Russian)].

СССР и Пакистан / Отв. ред. И. В. Халевинский. М., 1984 [USSR and Pakistan / Ed. I. V. Halevinskyy. Moscow, 1984 (in Russian)].

Тихонов Ю. *Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию*. М., 2008 [Tikhonov Y. *Stalin's Afghan War. Battle for Central Asia*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Черешнева Л. А. *Региональный мусульманский национализм в Индии в 1947–1949 гг. (на примере княжества Хайдерабад)* // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015 [Chereshneva L. A. *Regional Muslim nationalism in India in 1947–1949 (a case of princely state Hyderabad)* // Nations and Nationalism in the Muslim East. Moscow, 2015 (in Russian)].

Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *The Political History of Pakistan, 1947–2007*. Karachi: Oxford University Press, 2013.

Bhutto Z. A. *Reshaping Foreign Policy*. Lahore, s. a.

Jalal, A. *The Sole Spokesman. Jinnah, the Muslim League and the Demand for Pakistan*. Cambridge, 1994. Amazon Kindle edition.

Malik, H. *Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–92*. L., 1994.

Khan, T.A. 'An Aborted Moscow interlude'. *The News*. 11 June 1994.

Shah, A. *The Army and Democracy. Military Politics in Pakistan*. Cambridge (Mass.), 2014. Amazon Kindle edition.

Viewpoint, Lahore, Nov. 9, 1989.

Viewpoint, Lahore, Sept. 3, 1981.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Pakistan frees Raymond Davis after 'bloody money' deal. *Indian Express*. Mar. 16, 2011. URL: <https://www.indianexpress.com/story-print/763315/pakistan-frees-raymond-davis-after-bloody-money-deal> (дата обращения: 17.03.2011).

Russia offers funds to revive Pakistan Steel Mills // *The Express Tribune*. August 1, 2013. URL: <http://tribune.com.pk/story/585216/Russia-offers-funds-to-revive-pakistan> (дата обращения: 01.08.2013).